

Н. В. Гурьян

О СПОСОБАХ СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЕРВОМ КИТАЙСКОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ «ЭРЬЯ»

Словарь сегодня является не только объектом лексикографической деятельности, но и предметом изучения лексикографической теории [1], в сферу интересов которой входит наряду с типологией и структурой словарей также история их создания. Однако, несмотря на то что составление словарей — одно из самых старых занятий, сопутствующих развитию письменной культуры, лексикографическая практика прошлого еще недостаточно изучена в научной литературе [2]. Это утверждение справедливо и в отношении китайского лексикографического наследия. На Западе по-прежнему не вполне оценены уровень и масштабы достижений китайской лексикографии, которая была хорошо развита уже около двух тысячелетий назад [3].

Анализ устройства микроструктуры конкретного словаря, на уровне которой осуществляется семантизация лексических единиц, позволит определить степень развития языкознания и накопленный опыт в области национальной лексикографии.

Ведущим способом семантизации в словарях выступают словарная дефиниция и зона примеров [4, с. 4]. Основными универсальными типами словарных дефиниций в современной лексикографии считаются следующие: 1) денотативные, реальные, описывающие характерные признаки объекта; 2) логические, указывающие на ближайшее родовое понятие и на существенный отличительный признак; 3) эквивалентные, отсылающие к синониму; 4) отсылочные [5, с. 28]. Возможно и сочетание разных типов дефиниций.

Как известно, начальный этап становления лексикографии в Китае был тесно связан с комментаторской практикой, а непосредственным толчком к началу исследований послужила реконструкция, переписка и комментирование канонических текстов, уничтоженных при императоре Цинь Шихуане. Работа комментаторов по восстановлению и изучению памятников поддерживала интерес к лексикологии и стимулировала создание словарей [6; 7]. Древние списки иероглифов и первый китайский толковый словарь «Эрья» были продуктами этой деятельности [8, с. 37].

«Эрья» (III в. до н. э.) является первым подлинным словарем в том смысле, что он содержит не просто перечень иероглифических знаков в отличие от более ранних лексикографических образцов (списков/прописей), но и толкования их значений. Этот древнейший в истории китайской и мировой лексикографии толковый словарь, в полном виде сохранившийся до наших дней, позволяет судить о характере лингвистических знаний того времени.

Старейшей отраслью китайской филологии — *сюньгусюэ* 训诂学 (герменевтика, схоластика) — уже в древности были разработаны методы и способы описания и характеристики различных единиц, встречающихся в текстах. В этом аппарате анализа единиц текста современные исследователи усматривают сходство с дефиниционным анализом, применяющимся в теоретической лексикологии [9, с. 118–120].

К числу единиц, требовавших толкования, относились архаизмы, диалектизмы, редкие слова, фонетические заимствования *тунъинь цзяцзе* 同音假借¹, имевшие широкое распространение в письменных памятниках, и разнописи, появившиеся в результате несистемного употребления иероглифических знаков.

Еще одной важной лингвистической проблемой древнекитайской герменевтики была интерпретация многочисленных синонимов: необходимо было определить и показать различия между ними [10]. С. Е. Яхонтов отмечает, что уже в эпоху Чжоу древнекитайский язык характеризуется богатой и разнообразной лексикой, а в ряде специальностей (военное, государственное устройство, дипломатия, этикет) — обширной и разветвленной терминологией. Для одного и того же понятия часто существовало несколько слов с различным социальным или эмоциональным оттенком. Не только термины, но и обычные слова разговорного языка часто имели очень узкое, конкретное значение. В «Эръя», например, перечисляются более двадцати названий гор, различающихся по форме или как-то иначе, около тридцати обозначений масти лошадей и т. д. [11, с. 33–34].

В числе источников богатой синонимии в древнекитайском языке специалисты называют следующие [10; 12]:

1. Табу на собственные имена правителей китайских племен: в зависимости от обычаев племени имя правителя при его жизни или после его смерти объявлялось запретным, а вместо него вводилось другое слово. Одним из возможных источников замены были языки племен Хуа-Ся, которые говорили на родственных, но различных языках.

2. Языки соседних племен, с которыми предки китайцев поддерживали активные контакты.

М. В. Софронов по поводу употребления синонимов пишет: «Источник быстро забывался, а мыслители древнего Китая начинали искать различия в их значении. Очень часто язык легко усваивает синонимы и использует их как средства выражения для определенных целей. Чаще всего эти различия бывают стилистическими. Однако древнекитайских мыслителей интересовала не стилистическая принадлежность слов древнекитайского языка, а материальное различие в их значении. И поскольку реальное значение было одинаковым, то оно интерпретировалось как один и тот же предмет в разных сферах применения или как одно и то же свойство, относящееся к разным предметам» [10].

В целом схолиастика располагала тремя методами характеристики единиц в зависимости от того, какая из трех сторон иероглифа (форма, значение или звучание) являлась главным объектом толкования. В «Эръя» таким объектом выступает значение иероглифического знака, а основным способом его описания служит т. н. метод *исюнь* 义训 (толкование по значению или смысловое комментирование). Встречается также небольшое число примеров **звукового комментирования** *шэнсюнь/иньсюнь* 声训/音训, когда для толкования подбирался омонимичный или близкий по звучанию иероглиф.

В числе основных способов описания лексического значения (т. е. конкретных типов дефиниций), нашедших применение в «Эръя», следует назвать прямое толкование, определение понятия, описание, сравнение.

¹ Фонетические заимствования — это случаи использования иероглифа не в его основном значении, а для записи омонимичного слова; подобная практика использования иероглифических знаков была очень широко распространена на ранних этапах развития китайского письма.

1. Прямое толкование *чжисюнь* 直训

С этим способом толкования соотносится такой тип дефиниций, который современная теория лексикографии определяет как лингвистический либо эквивалентный. По сути прямое толкование сводится к следующему: неизвестное слово поясняется через синоним или слово с близким значением по формуле $A = B$, где A и B — синонимы. Ограниченность прямого толкования заключается, во-первых, в том, что оно представляет собой лишь констатацию близости значений двух единиц, не выявляя различия между ними. Во-вторых, в случае многозначности единиц возникает неопределенность: не вполне ясно, какое именно значение имеется в виду.

Как правило, в качестве поясняющих выступают лексические единицы с общим значением, с помощью которых толкуются более частные понятия (иногда наоборот), либо общепонятные эквиваленты толкуют архаизмы, диалектизмы и редкие слова. К примеру:

(1) «释诂»: 崩、薨、無祿、卒、徂落、殯, 死也。(№ 142) *умирать*

Разъяснения к синонимам данной глоссы в виде цитаты из трактата «Ли цзи» 礼记 даются в построчных комментариях Син Бина [13; 14]:

天子	死	曰	崩 бэн,
Императора	кончину	называют	
诸侯		曰	薨 хун,
удельного князя		называют	
大夫		曰	卒 цзу,
дафу [сановника]		называют	
士		曰	不祿 бу лу,
служилого человека		называют	
庶人		曰	死 сы.
простолюдина		называют	

(2) «尔雅·释言»: 遏、遯, 逮也. *достигать, доходить до*

В данном случае поясняемые единицы являются диалектизмами. Об этом можно судить по комментариям Го Пу [13], а также по сходной глоссе диалектного словаря «Фанъянь» («方言·第七»: 蝸, 噬, 逮也. 东齐曰蝸, 北燕曰噬. 逮通语也.²), из которой следует, что слово 遏 è имело хождение в царстве Ци 齐, слово 遯 shì — в царстве Янь 燕, поясняющая же единица 逮 dài — это общепонятный синоним [15].

Прямое толкование представлено несколькими разновидностями, отличающимися между собой формой подачи материала.

Так, *индивидуальное/единичное толкование даньсюнь* 单训 и *совмещенное толкование хэсюнь* 合训 (*гунсюнь* 共训) противопоставляются исходя из количественного состава поясняемой части глосс, которая в первом случае включает только одну единицу толкования, во втором случае — более одной единицы. В «Эръя» для первых трех глав с абстрактной лексикой характерно совмещенное толкование, для остальных шестнадцати глав с терминологической лексикой — индивидуальное толкование.

Нельзя сказать, что совмещенное толкование впервые встречается именно в «Эръя», существуют и более ранние образцы, например в трактате «Ши-цзы» (сер. III в. до н.э.)

² Иероглифы 蝸 — 遏 и 噬 — 遯 идентичны по звучанию и значению [16, с. 83].

[17; 8]. Важно то, что в «Эрья» *хэсюнь* нашел широкое применение: почти полностью на его основе построена глава «Ши гу» и значительная часть глав «Ши янь» и «Ши сюнь». Совмещенное толкование — удачное решение для расположения материала в идеографических словарях, вполне пригодное для выполнения определенных задач, в частности констатации семантической близости нескольких лексических единиц.

Имеется еще целый ряд разновидностей, призванных показать систему значений лексических единиц и их внешние связи [18; 19; 20; 21; 22; 17]:

— *общее толкование тунсюнь* 同训: разные глоссы толкуются одним и тем же иероглифом³ (повторяемость толкующих единиц, как правило, свидетельствует об их многозначности):

- (1) «释诂下»: 肃、延、诱、薦、餽、晋、寅、苾, 进也。(№ 4) *вводить*
羞、餽、迪、烝, 进也。(№ 5) *пре-/подносить*
- (2) «释诂下»: 谐、辑、协, 和也。(№ 14) *согласие*
关关、嘒嘒, 音声和也。(№ 15) *гармония звуков*
颺、變, 和也。(16) *гармония*
- (3) «释诂下»: 悠、伤、忧, 思也。(№ 32) *тревожиться; печальные думы*
怀、惟、虑、愿、念、怒, 思也。(№ 33) *думать, обдумывать*
- (4) «释诂下»: 遘、逢、遇、遯, 见也。(№ 48) *встречать*
显、昭、覲、釗、覲, 见也。(№ 49) *видеть*
- (5) «释诂下»: 平、均、夷、弟, 易也。(№ 62) *равный*
弛, 易也。(№ 64) *распространяться*
- (6) «释诂下»: 尼, 定也。(№ 132) *останавливать(-ся)*
貉、曷、安, 定也。(№ 136) *успокоение*
- (7) «释诂上»: 忒、溢、溢、蛰、慎、貉、溢、顛、顛、密、宁, 静也。(№ 31) *тихий, спокойный*
«释诂下»: 密、康, 静也。(№ 60) *спокойный, тихий*

— *дифференцирующее толкование исюнь* 异训 (фэньсюнь 分训): одна и та же единица в составе разных глосс получает соответствующее толкование, и тем самым также демонстрирует свою многозначность:

- (1) «释诂上»: 崇, 高也。(№ 43) *высокий*
崇, 充也。(№ 44) *полный, обильный*
- (2) «释诂下»: 艾, 长也。(№ 100) *старший*
艾, 历也。(№ 101) *пройденный путь, жизненный опыт*
- (3) «释诂下»: 休, 美也。(№ 13) *прекрасный*
休, 息也。(№ 91) *отдыхать*
«释言»: 休, 庆也。(№ 216) *счастливый, радостный*

— *постепенно подводящее (последовательное) толкование дисюнь* 递训: объяснение по формуле $A = B$, $B = C$, $C = D$ и т. д. (в таких глоссах единицы не являются

³ В китайских работах по схолиастике наблюдается некоторое расхождение в терминологии: иногда данным термином обозначают такой тип глосс «Эрья», в составе поясняемой части которых содержится несколько единиц (т. е. совмещенное толкование) (см.: [19; 23]).

полными синонимами, при этом А синонимично В, В синонимично С, но А и С не обязательно будут синонимичны друг другу):

- (1) «释诂上»: 尸, 寮也。(№ 39) *служилый*
寮、寮, 官也。(№ 40) *чиновничество*
- (2) «释虫»: 蝮螭, 蜥蜴。Жунюань [вид тритона] — это си-и [ящерица].
蜥蜴, 蝮螭。Си-и — это яньтин [ящерица сем. гекконовых].
蝮螭, 守宫。Яньтин — это шоугун [геккон].

— *взаимное толкование хусюнь* 互训: объяснение по формуле $A = B, B = A$ (поясняющая единица одной глоссы является поясняемой в составе другой глоссы):

- (1) «释诂上»: 遐, 远也 (№ 34) *далекий*
远, 遐也 (№ 35) *далекий*
- (2) «释诂下»: 多, 众也 (№ 24) *множество*
众, 多也 (№ 25) *многочисленный*
- (3) «释诂下»: 勤, 劳也 (№ 30) *усердно трудиться*
劳, 勤也 (№ 31) *стараться, упорно работать*
- (4) «释宫»: 宫谓之室。 жилище
室谓之宫。 дворец

2. Определение понятия ицзе 义界

Значение объясняется в нескольких словах. Этот способ толкования соотносится с современными логическими дефинициями, указывающими на ближайшее родовое понятие и на существенный отличительный признак. К примеру:

- (1) «释乐»: 大笙谓之巢。Большую свирель называют чао.
小者谓之和。Малую называют хэ.
- (2) «释天»: 暴雨谓之涷。Проливной дождь называют дун.
小雨谓之霖霖。Мелкий дождь называют мому.
久雨谓之淫。Затяжной дождь называют инь.

3. Описание мяошу 描述

Описание соотносится с денотативными дефинициями: описываются характерные признаки объекта (внешний облик, функции, способности, особенности и т. д.). Например:

- «释畜»: 马八尺为 馱。Конь в 8 чи — жун.
牛七尺为 犝。Бык в 7 чи — жунь.
羊六尺为 羴。Баран в 6 чи — сянь.
豨五尺为 豨。Кабан в 5 чи — э.
狗四尺为 葵。Собака в 4 чи — ао.
鸡三尺为 鷄。Курица в 3 чи — кунь.

4. Сравнение *пикуан* 譬况

Неизвестное (поясняемое) сравнивается с известным.

- (1) «释兽»: 兕似牛。Носорог похож на быка.
豺, 狗足。[У] шакала лапы [как у] собаки.
- (2) «释木»: 枞, 松叶柏身。[У] пихты/елки листья [как у] сосны, ствол [как у] кипариса.
桧, 柏叶松身。[У] можжевельного дерева листья [как у] кипариса, ствол [как у] сосны.

Описание и сравнение часто сочетаются, особенно в 18-й главе словаря, посвященной диким животным:

- (1) «释兽»: 猘兪類羆。虎爪。食人。迅走。Я-юй подобен чу, с лапами тигра, ест людей, быстро бегаёт⁴.
- (2) «释兽»: 驪如馬。一角。Си [единорог] похож на коня, однорогой.

Как пишет К.И. Голыгина, литература является предметным фиксатором того, как происходит познание мира человеком. Развитие научного познания поздней древности шло в направлении уточнения картины мира. «Метод, рожденный этим сознанием, может быть только описательным: внимание к объекту провоцирует его описание. Чтобы придать вещи смысл, указывается ее функция или значение». Большая часть китайских памятников демонстрирует случай слияния мифологического сознания с коррелятивным, расширившим возможности образной комбинаторики. В рамках коррелятивного сознания широкое применение получили приемы сравнения и уподобления. Сравнение позволяло сочетать одно с другим, подводя один более узкий признак под более широкий класс («ноги как у собаки», «когти как у тигра»). Уподобление сопоставляло с этим классом — «похож на ...», «по виду — ...», но по большей сумме признаков. Создавались матрицы описания: А как Б, но Б не как В, — которые устанавливали не тождество, а различие [25, с. 51–64].

Очевидно, что в словарных дефинициях «Эръя» находят отражение не только основные характеристики семантической структуры слова, система его значений, но и языковая картина мира. В этом плане толкования «Эръя» также представляют значительный интерес, однако этот вопрос заслуживает специального обсуждения.

Еще одним «достижением» составителей «Эръя», о котором стоит упомянуть, являются словарные иллюстрации. С точки зрения современной лексикографической теории иллюстративные примеры реального употребления лексических единиц в контексте — неперенные атрибуты словарной статьи толкового словаря. Во всем словнике «Эръя» имеется лишь небольшое их количество: китайский исследователь словаря Гуань Сихуа говорит о 14 цитатах из «Ши цзина». Однако в этом отношении родоначальником среди китайских словарей является именно «Эръя», а не авторитетный «Шовэнь цзецзы» (100 г. н. э.) — первый полный китайский словарь, которому

⁴ Большой китайско-русский словарь под редакцией И. М. Ошанина дает следующие дефиниции: 猘 兪 уà-уì миф. я-юй (хищник-людоед с головой дракона и лапами тигра); 羆 chū — 1) чу (хищник размером с собаку, расцветки дикого кота; слово, по-видимому, обозначало разных животных сем. кошачьих: мелкого тигра, леопарда, рысь); 2) тигр [24].

китайские филологи долгое время отдавали пальму первенства. Последний содержит гораздо больше примеров, в их числе есть и цитаты, унаследованные от «Эръя» [17, с. 149].

Итак, в «Эръя» впервые в систематизированном виде продемонстрированы основные подходы к семантизации значений иероглифов, реализованные в рамках т. н. смыслового комментирования *исюнь*, и, кроме того, впервые использованы словарные иллюстрации. Рассмотренные способы описания единиц: прямое толкование *чжисюнь* и его разновидности (совмещенное толкование, постепенно подводящее, взаимное, дифференцирующее, общее толкование), определение понятия, описание и сравнение — составляют значительную часть научного аппарата традиционной китайской филологии.

Если проводить аналогии с современными средствами описания лексического значения, к числу которых теория лексикографии относит 1) словарное определение; 2) расположение в системе синонимов; 3) иллюстрацию примерами употребления в контексте и 4) пометы [26, с. 252], в «Эръя» не обнаруживается только последнее. Что же касается основных типов дефиниций, которые мы наблюдаем в этом словаре (прямое толкование, определение понятия, описание), все они соотносятся с универсальными типами словарных определений, принятыми в современной лексикографической практике, а именно: эквивалентными (или лингвистическими), логическими и денотативными соответственно.

П. Н. Денисов называет составление дефиниций вершиной лексикографического искусства: «В дефиниции надо резюмировать содержание слова, а это предполагает тонкий семантический анализ, или описать предмет, что требует знания реалий и умения их рассматривать с позиции семиотической релевантности дифференциальных и интегральных признаков» [27, с. 191]. Если принять во внимание данное положение, тогда исходя из анализа материалов «Эръя», можно судить о достаточно высоком уровне лингвистических представлений в китайской науке последних веков до нашей эры. Не случайно именно с появлением этого толкового словаря связывают становление филологической традиции в Китае.

Литература

1. Городецкий Б. Ю. Пути совершенствования Большого китайско-русского словаря (из опыта работы русского редактора) // Китайское языкознание. Изолирующие языки: Материалы XI междунар. конф. М., 2002. С. 363–371.
2. Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: URSS; ЛКИ, 2008. 288 с.
3. Collison R. L. A History of Foreign-Language Dictionaries. London: Andre Deutsch, 1982. 214 p.
4. Иванова Е. П. Семантизация имени существительного во французских толковых и энциклопедических словарях XVII–XXI вв. (эволюция определений наименований гидрометеоров): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05. СПб., 2008. 45 с.
5. Склеяевская Г. Н. Новый академический словарь: Проспект. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. 62 с.
6. Reischauer E. O., Fairbank J. K. East Asia, the Great Tradition: a History of East Asian Civilization. Boston, Massachusetts: Houghton Mifflin, 1960. Vol. 1. 739 p.

7. Яхонтов С. Е. История языкознания в Китае (1 тыс. до н.э. — 1 тыс. н.э.) // История лингвистических учений: Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 92–109.
8. Yong H., Peng J. Chinese Lexicography — A History from 1046 BC to AD 1911. Oxford: Oxford University Press. 2008. xvii + 458 p.
9. Солнцева Н. В., Солнцев В. М. О смене научных парадигм в китайском языкознании // Актуальные проблемы китайского языкознания: Материалы VII всерос. конф. М., 1995. С. 115–123.
10. Софронов М. В. Слово и познание в культуре древнего Китая // Ломоносовские чтения в МГУ. 2003. URL: <http://www.iaas.msu.ru/res/lomo03/sofronov.html> (дата обращения: 01.04.2003).
11. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М.: Наука, 1965. 115 с.
12. Jiang Rentao. «Erya» tongyici yanjiu. Beijing: Zhongguo wenshi chubanshe, 2006. 213 p.
13. Erya zhushu. Beijing: Zhonghua shuju, 1957. 500 p.
14. Erya yizhu / Hu Qiguang, Fang Huanhai zhuan. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1999. 459 p.
15. Fangyan jiaojian / Zhou Zumo jiaojian. Beijing: Zhonghua shuju, 2004. 238 p.
16. Xu Chaohua. Erya jinzhu. Tianjin: Nankai daxue chubanshe, 1989. 352 p.
17. Guan Xihua. Erya yanjiu. Hefei: Anhuidaxue chubanshe, 1996. 267 p.
18. Dou Xiuyan. Zhongguo yaxueshi. Jinan: Qilu shushe, 2004. 424 p.
19. Guo Qinna. Xunguxue. Beijing: Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2005. 285 p.
20. Su Baorong, Wu Jianyu. Xunguxue. Beijing: Yuwen chubanshe, 2004. 253 p.
21. Xu Weihuan. Xunguxue daolun. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2003. 327 p.
22. Гурьян Н. В. Строение первого китайского словаря «Эръя» и китайская филологическая традиция: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. М., 2009. 212 с.
23. Gu Tinglong, Wang Shiwei. Erya daodu. Chengdu: Bashu shushe, 1990. 251 p.
24. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. М.: Наука, 1983–1984.
25. Голыгина К. И. «Великий предел»: Китайская модель мира в литературе и культуре (I–III вв.). М.: Восточная литература РАН, 1995. 363 с.
26. Zgusta L. Manual of Lexicography. Praha: Academia, Publishing House of the Czechoslovak, 1972. 360 p.
27. Денисов П. Н. Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности // Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике. М.: Русский язык, 1978. С. 25–33.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2011 г.